

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Тарту)

ГЛАСНЫЙ *i* В КРАСНОУФИМСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Гласный *i* красноуфимского говора (КУ) по артикуляторно-акустическим качествам совпадает с соответствующей фонемой марийского литературного языка. При ее артикуляции кончик языка находится у десен нижних резцов, средняя часть спинки языка одновременно продвигается вперед и поднимается к твердому нёбу. Края языка прижаты к нижним боковым зубам и касаются твердого нёба по бокам. Губы слегка раздвигаются, превращаясь в широкую щель; выходное отверстие резонатора образуется зубами. Таким образом, гласный *i* рассматриваемого говора определяется как нелабиализованный гласный верхнего подъема переднего ряда. *i* является фонемой, так как замена одного гласного звука в первом слоге другим ведет к изменению семантики слова: *i-ške* 'клин' : *ǰške* 'сам', *ki-ške* 'змея' : *kǰške* 'бросай, кидай', *pi-šte* 'липа' : *pǰšte* 'положи', *ir* 'дикий' : *er* 'утро, утренний'.

1.1. Гласный *i* в слове занимает три релевантные позиции: анлаут, инлаут и ауслаут. Дистрибуцию можно выразить посредством формул:

1.1.1. V \bar{i} 'год; лед'.

1.1.2. VC *is* 'бердо', *ir* 'дикий'.

1.1.3. V|C- *iže* 'маленький', *i-le* 'был, была, было', *ižä-j* 'брат', *i-dät* 'гумно'.

1.1.4. VC|C- *išne-ye* 'земляника'.

1.1.5. CVC *kir* 'гиря', *kit* 'рука', *piž* 'варежки'.

1.1.6. CV|C- *kihe* 'конопля', *či-že* 'женская грудь, сосок', *kiša* 'след', *bihe-r* 'холст', *biča* 'хлев', *piye-ne* 'щенок', *či-žək* 'светец'.

1.1.7. CVC|C- *šipka* 'зыбка, люлька, колыбель', *ki-nde* 'хлеб', *jikta-r* 'гектар', *pi-nčək* 'гнусавый', *šinča* 'глаза; знает'.

1.1.8. CV|C *čije* 'вишня (дерево и плод)', *ki-je* 'моль'.

1.1.9. CV|V- *šialka* 'серьги'.

1.1.10. -CV *pišī* 'кошка (в детской речи)', *pārī* 'пырей ползучий', *čiñči* 'блестка', *pidī* 'клевц', *pārī* 'нечистая сила'.

1.1.11. CV *pī* 'собака', *šī* 'серебро'.

1.2. *i* первого слога в красноуфимском говоре употребляется весьма широко и соответствует по качеству такому же гласному литературного и основных говоров марийского языка, например, КУ *iže*, лит. *изи*, марГ, марСЗ *i-zi*¹ 'маленький'; КУ *βišä-š*, лит. *виса-ш*, марГ, марСЗ *βi-säš* 'взвешивать, взвесить, мерить, смерить, измерить'; КУ *ki-nde*, лит. *ки-нде*, марГ *ki-ndə*, марСЗ *ki-ntə* 'хлеб, урожай'; КУ *kiš*, лит. *киш*,

¹ Примеры северо-западного наречия по И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола 1971.

марГ, марСЗ *kiš* 'сера, смола'; КУ *piða-š*, лит. *пида-ш*, марГ, марСЗ *pi-dāš* 'вязать, связать, повязать'; КУ *βiš*, лит. *виш*, марГ, марСЗ *βiš* 'настежь; открытый'. В приведенных словах рассматриваемый гласный, безусловно, имеет общемарийский характер.

2. Гласный *i* представлен не только в марийском, но и во всех современных родственных языках (Steinitz 1944 : 60). Для реконструкции финно-угорского вокализма В. Штейниц использовал в основном данные коми и удмуртского языков.

2.1. При исследовании истории фонем, как и других вопросов, связанных с историей праязыка, нельзя ограничиваться лишь данными одной группы близкородственных языков. Следует иметь в виду, кроме того, множество разных факторов, включая данные диалектов того или иного родственного языка, сохранивших, возможно, даже большее число архаизмов с характерными прафонемами. Так, в некоторых финно-угорских словах *i* красноуфимского говора, имеющий общемарийский характер, соответствует гласному *i* или *ī* прибалтийско-финских языков, в которых ф.-у. **i* хорошо сохранился (Основы 1974 : 210): КУ *ni*, марЛ, марСЗ *ni*, марГ *ni* 'лыко', фин. *niini, niinipu* 'липа', эст. *niiin* 'лыко, луб', удм. *нинь, нинь-пу* 'молодая липа', коми *нин* 'мочало, лыко' < **niine* или **nine* 'лыко, луб' (Основы 1974 : 427); КУ, марЛ, марГ, марСЗ *ī* 'год', фин. *ikä*, эст. *iga* 'возраст, век', эрз. *ue* 'год' < **jikä* или **ikä* 'год' (Основы 1974 : 413); КУ, марЛ. *βič̣ (βi-zät)*, марГ, марСЗ *βэс* 'пять', фин. *viisi (viiden)* 'пять', эст. *viis (viie)*, саам. *vit'tá*, удм. *вит*, коми *вит* < **witte* 'пять' (Основы 1974 : 424); доперм. **pič̣z-lz-* 'рябина' (КЭСК 218), КУ *pi-žle*, марЛ *pž-zle* 'рябина', фин. *pihlaja*, эст. *pihl, pihlakas* 'рябина'.

2.1.1. Следует подчеркнуть, что некоторые марийские слова с *i* в первом слоге не находят этимологических соответствий в прибалтийско-финских языках, но встречаются в других близкородственных, в частности пермских и мордовских языках. Примером может служить такой ряд слов, как КУ, марЛ *ši-šte*, марГ, марСЗ *ši-štə* 'дятел', удм. *сизь*, коми *сизь* 'дятел'; КУ *ši-šte*, марГ, марСЗ *šə-štə*, марЛ *šə-šte* 'воск', коми *сись* 'свеча'; КУ, марЛ, марГ, марСЗ *kit* 'рука', удм. *ки*, коми *ки* 'рука'; КУ, марЛ, марГ, марСЗ *pī* 'собака', эрз. *пине*, мокш. *пиня* 'собака'.

2.1.2. Нельзя не обратить внимания на то, что иногда разные по артикуляции звуки сравниваемых языков имеют одну и ту же праформу. Так, в финских словах (*elää* 'жить, существовать', *mennä* 'идти, уходить', *peni-* 'щенок') сохранился в первом слоге древний гласный **e* финно-угорского праязыка, а в диалектах марийского языка этот гласный сузился в *i*, ср. КУ, марЛ *ila-š* 'жить', *mi-aš* 'приятн', *pī* 'собака'.

2.1.3. Э. Итконен, реконструируя звуковую систему древнемарийского языка, пришел к выводу, что гласный *i* марийского языка, несмотря на незначительную частотность, восходит во многих словах к финно-угорскому источнику: а) *i* < домар. **ä*. Э. Итконен такой звукопереход обнаружил в 15—16 примерах, которые разделил на две подгруппы: в словах *ī, ši-, šī-, tī, βī, i-mə*, развитие **ä* > *i* произошло под влиянием *i(j)*; в словах *ši-štə, liš-, pi-štə, ti-štə, i-škə, kiš, kit, ti-də, ? βi-dem, n̄nə*, *i* развился под влиянием переднеязычных *š, t (δ), n*; слово *tifš* он включает во вторую подгруппу, отмечая, что раньше оно относилось к первой. б) *i* < **e* перед **n* > **n̄* > **i(j)* : *miem, pī, pīn̄-ə, ? βidem, βištə*. в) *i* < **ē*: *liam*. г) *i* < **i*: *ī, pižq-m*. д) *i* < **ī*: *nī*. е) *i* < **ü*: *i-ktə*, при этом указывает, что делябиализация **ü* в истории марийского языка явление редкое, если даже не единичное. ж) *i* < **u* (возможно, что **o*): *ija-m* (Itkonen 1954 : 216—218).

2.2. При выведении прамар. *i* из вышеуказанных гласных Э. Итконен ориентировался в основном на данные прибалтийско-финских языков, в частности финского, который, по его мнению, наиболее архаичен.

2.2.1. Статья Г. Берецки в части, касающейся гласного *i*, констатирует проиллюстрированный Э. Итконеном звукопереход $*\ddot{a} > i$ с более широким привлечением диалектных данных и иноязычных заимствований марийского языка. Так, протофин. $*\ddot{a}$ — мар. *i*: фин. *käte-* — марЛ, марВ, марГ *kit*; фин. *säkiä* 'сом' — малм. *šij*: *ši-i-yol*, марГ *ši*: *ši-yol*; фин. *täyte-* 'полный' — марЛ, марВ *tifš* (Bereczki 1968 : 31).

3. Надо заметить, что прямолинейный переход $*\ddot{a} > i$, предложенный Э. Итконеном и поддержанный Г. Берецки, нельзя объяснить лишь влиянием среднеязычного *j* или переднеязычных *š*, *t(δ)*, *n*. Переднеязычные согласные в какой-то мере могут содействовать переходу заднерядных гласных в переднерядные, но никак не могут обусловить переход широкого палатального *ä* в узкий палатальный *i*, хотя этимологический анализ слов показывает, что мар. *i* отчасти восходит к ф.-у. $*\ddot{a}$. Следует полагать, что сужение ф.-у. $*\ddot{a}$ первого слога произошло в виде не одного, а двух и более различных звуков. По-видимому, ф.-у. $*\ddot{a}$ в зависимости от фонетического положения имел разные оттенки (Основы 1974 : 206). Поэтому следы древнего $*\ddot{a}$ в современных марийских диалектах выступают не как однозначные соответствия, а как разные гласные — от *e* (см. 4.1) до редуцированных (Грузов 1969 : 96). Отчасти ф.-у. $*\ddot{a}$ сохранился в диалектах марийского языка. В других случаях $*\ddot{a}$ в начальном слоге перешел в *i* через промежуточную ступень *e*. После такого превращения употребимость $*\ddot{a}$ в диалектах марийского языка значительно сократилась, а в луговом наречии произошел переход в *a* и *e*, который способствовал перестройке существующей фонологической системы большинства говоров лугового наречия, хотя импульс, вызвавший данное звуковое изменение, не был, очевидно, обусловлен воздействиями внешних факторов. В то же время $*e$ во избежание нейтрализации первоначального противопоставления $*e : e < *\ddot{a}$ превратился в *i* (см. 2.1.2). Следует также иметь в виду, что компенсация утраченного $*\ddot{a}$ произошла в красноуфимском говоре в процессе языковых контактов: в тюркских заимствованиях говора в основном выступает тот же гласный *ä* языка-источника, а также наблюдается опереднение иноязычного гласного *a* $> ä$ в языке-рецепторе.

3.1. О таком сдвиге $*\ddot{a} > e > i$ с достаточной убедительностью свидетельствуют данные родственных языков. Так, в пермских и мордовских языках сохранился промежуточный *e*: КУ, марЛ *i-me* 'игла, колючка, шип (у растений)', коми *em* 'игла', фин. *äimä* 'игла (большая)'; КУ, марЛ *i*, эрз. *эй, эв, энг, ий*, фин. *jää* 'лед'; КУ *pi-šte*, марЛ *pi-ste* 'липа', эрз. *пекше*, фин. *pähmä*, эст. диал. *pähn* 'липа'; КУ, марЛ *ti-de*, эрз. *т'е* 'этот', *т'есэ, т'еса* 'здесь', манс. *te, ti, tə* 'этот', эст. *tema, tämä* 'он', фин. *tämä (tä-)* 'этот' (Основы 1974 : 399).

3.1.1. Гласный *e* — промежуточный между *ä* и *i* — представлен и в диалектах марийского языка, например: $*w\ddot{a}\eta\eta$ 'зять' (Основы 1974 : 401) $>$ КУ, марЛ *βe-ηe*, марСЗ *βi-ηэ*, марГ *βi-ηгэ* 'зять'. Г. Берецки указывает, что в звукосоответствиях типа: западные *i*, остальные говоры *e*, как фин. *vävy* 'зять', марВ *βe-ηä*, марГ *βi-ηгэ*, западные диалекты сохранили первоначальную форму (Bereczki 1968 : 31). Нам представляется, что $*\ddot{a}$ в $*w\ddot{a}\eta\eta$ не мог превратиться в *i*, минуя промежуточную ступень *e*. При тенденции $*\ddot{a} > e > i$ среднее звено уцелело в луговых и отчасти в восточных говорах, а в западных *e* сузился в *i*.

3.1.2. М. Ряснен предполагает, что сужение $e > i$, имевшее место в марийском, мордовских и пермских языках, произошло под влиянием татарского языка (Räsänen 1923 : 91).

3.1.3. Тенденция к $*\ddot{a} > i$ не была чужда и тюркским языкам, например: марГ, марСЗ *ir*, КУ, марЛ *er* 'утро' < чув. *ur* 'утро' < $*\ddot{a}r$ (Щербак 1970 : 154); марГ, марСЗ *šir*, КУ, марЛ *ser* 'берег' < чув. *šir*, тат. *žir*, башк. *jär* 'земля' < $*\ddot{a}r$ 'земля' (Щербак 1970 : 153); КУ, марЛ *et* 'лекарство' < чув. *im* 'лекарство' < $*\ddot{a}m$ (Щербак 1970 : 153); КУ, марЛ *eŋge-k* 'беда' < чув. *ингэк* 'несчастье, беда' < $*\ddot{a}m\ddot{k}ak$ (Щербак 1970 : 153).

3.1.4. Сужение $*\ddot{a} > i$ в группе тюркских языков, по мнению В. В. Радлова, произошло позже XIV в. (Радлов 1884 : 25). Некоторые тюркологи относят его к еще более позднему времени (Щербак 1970 : 150).

3.1.5. Отдельные марийские слова, некогда заимствованные из чувашского языка, сохраняют древний $*e$, которому в современных тюркских языках соответствует *i*, ср. марЛ *ne-gāz* 'основание, фундамент' < чув. *никĕс*, тат. *нигез* < $*nägiz$ 'основание, фундамент' (Räsänen 1969 : 352); КУ *kere-k* 'хотя, хоть' < чув. *кирек*, тат. *кирĕк* 'хотя, хоть, надо' < общетюрк. $*käräk$ 'необходимость' (Räsänen 1969 : 256). Следовательно, переход $*e > i$ в диалектах марийского языка произошел значительно раньше. В тюркологии история \ddot{a} (\ddot{a}), \ddot{e} и *i* до настоящего времени остается не изученной (Ахметьянов 1978 : 27). Тюркские языки Волго-Камья подобную инновацию испытали, видимо, позже, благодаря длительным и интенсивным взаимодействиям чувашского, татарского и башкирского языков с финно-угорскими (Щербак 1970 : 150).

3.2. В большинстве тюркских заимствований красноуфимского говора сохраняется гласный *i* языка-источника, например, КУ *βiča* 'хлеб' < чув. *вите* 'хлеб'. В моркинско-сернурском говоре в этом слове *i* под действием губно-губного β лабиализовался в \ddot{u} . Переход $i > \ddot{u}$ отмечается также в чув. *виме* (а также *миме*) 'помощь, коллективная работа' > КУ, марЛ *βйта*, серн. *тйта* 'общественная помощь'. КУ *iše-r* 'глупый' < тат. *исәр* 'глупый, бестолковый'; КУ, марЛ *ri-re* 'волк' < башк. *бири* 'волк'.

3.2.1. Имеется ряд случаев замещения тат. *ы* и чув. \ddot{a} КУ *i*, например, КУ *iša-n* 'вера, надежда' < тат. *ышану* 'верить, доверять'; КУ, марЛ *kiä-r* 'огурец' < тат. *кыяр*, чув. *хăяр* 'огурец'; КУ, марЛ *šī* 'угощение' < тат. *сый*, чув. *сăй* 'угощение'; КУ, марЛ *kiä-k* 'осока' < тат. *кыяк*, чув. *хăяк* 'осока'. Тат. *ы* представляет собой гласный звук заднего ряда верхнего подъема, неогубленный (Исхаков 1955 : 94). Наблюдается полное и регулярное его соответствие чув. \ddot{a} (Ахметьянов 1978 : 17). В марийском языке отсутствует вышеописанный гласный, поэтому тюркские слова, вживаясь в структурно-фонетическую ткань языка-рецептора, приспособляются к фонетической норме марийского языка.

3.2.2. Подобные фонетические изоглоссы встречаются в марийском языке, они сближают многие говоры по отдельным языковым явлениям несмотря на территориальную обособленность. Так, в ряде слов в позиции первого слога на месте марЛ \ddot{a} в красноуфимском, как и в кильмезском и близком ему малмыжском говорах восточного наречия, выступает гласный *i*: $*k\ddot{u}n\ddot{a}$ ($*ki\ddot{n}\ddot{a}$) или $*k\ddot{u}n\ddot{a}$ ($*kin\ddot{a}$) 'локоть' (Основы 1974 : 412) > фин. *kuynärpää*, эст. *küünarpea* 'локоть', КУ, кильм., малм. *kiñerβu-j*, марСЗ *kəñe-rβuj*, марГ *kəñerβu-rðž*, марЛ *kəñerβu-j* 'локоть'; $*kitke-$ или $*kütke-$ 'связывать' (Основы 1974 : 423) > фин. *kytkä* 'привязать', эст. *kütke* 'привязь', КУ *kičkä-š*, кильм., малм. *kička-š*, марСЗ *kəčkäš*, марГ *kəčkäš*, марЛ *kəčka-š* 'запрягать, запрячь'; доперм. $*čščä-$ 'грудь, вымя' (КЭСК 311), КУ, кильм., малм. *či-ze*, марСЗ, марГ *сə-zə*, марЛ *čə-ze* 'женская грудь; сосок; соски у животных'.

3.2.3. В словах, где отмечаются соответствия (КУ, кильм., малм. *i*,

марГ, марСЗ *ə*, основные говоры лугового наречия *ə̃*), следует, очевидно, в древнемарийском признать палатальный *i*, который возник в результате делабиализации финно-угорского огубленного **ü*. Импульсом к делабиализации могли послужить окружающие палатальные переднеязычные согласные. В *kička-š* гласный *i*, по мнению Л. П. Грузова, восходит к древнемар. *ä*, а в *či-že* — к древнемар. *ə* (Грузов 1965 : 64, 88).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что гласный *i*, сохранившийся в красноуфимском, кильмезском, малмыжском говорах, в луговом, горном и северо-западном наречиях редуцировался. Л. П. Грузов, исследовавший марийские звуки в историческом аспекте, пришел к выводу, что *i* выступал в двух более или менее четко выраженных оттенках — более переднем и более заднем (Грузов 1969 : 112). В одном из подговоров волжского диалекта, кроме *i* полного образования, имеется редуцированный *ɨ*, на что в свое время обратил внимание и Э. Итконен (Itkonen 1954 : 225—241). Вполне вероятно, при тенденции *i* > *ə/ä* один из оттенков *i* отчасти сохранился в волжском говоре в виде редуцированного *ɨ*, который встречается в первом слоге перед палатализованными согласными, в большинстве случаев — перед *l*; в горном и северо-западном наречиях он перешел в *ə*, в луговом произошла нейтрализация его *ä*, ср. волж. *pɨl*, *pil*, марЛ *päl*, марГ *pəl* 'облако, туча', фин. *pilvi*, эст. *pilu* 'облако'; волж. *šɨl*, *šil*, марЛ *šäl* 'мясо', фин. *silava* 'сало', удм. *силь* 'мясо'; волж. *pɨ-läš*, *pä-läkš*, марЛ *pä-läš*, марГ *pə-ləš*, марСЗ *pə-ləkš* 'ухо, уши', эрз. *пиле*, мокш. *пиля* 'ухо'.

4. Опираясь на примеры и учитывая вышеизложенные оттенки гласного *i*, можно предположить, что *i* с переднерядным оттенком в определенных положениях развился в переднерядный *ə*, а с заднерядным — в *ä*. Схематически этот звуковой процесс выглядит так: **ü* > *i* > *ə/ä*, например: **sikše* или **sükše* 'осень' (Основы 1974 : 414) > фин. *syksy*, эст. *sügis* 'осень', КУ, кильм., малм. *ši-že*, марСЗ, марГ *šə-žə*, *šä-že* 'осень'.

4.1. В небольшом кругу слов красноуфимского говора, как и в луговом, горном и северо-западном наречиях, редуцировался *i*, который исторически восходит к ф.-у. **ä*. Сужение **ä* произошло под влиянием окружающих палатальных согласных (см. 3). Этот фонетический процесс передает схема: **ä* > *e* > *i* > *ə/ä*, например: доперм. **jäsə* 'сустав' (КЭСК 112), фин. *jäsen* 'член, сустав', эст. *jäse* 'конечность', эрз. *эзне* 'сустав', кильм. *đ'ižin*, марСЗ *jə-žəŋ*, малм., КУ *đ'ä-žäŋ*, КУ, марЛ *jä-žäŋ* 'сустав, колено'.

4.1.1. В ряде слов красноуфимского говора, как и во всех современных марийских диалектах, за исключением кильмезского и отчасти малмыжского и волжского, редуцировался ф.-у. **i*, например: доперм. **pilwe* (**pilŋe*) 'туча, облако' (КЭСК 221), фин. *pilvi*, удм. *пилем*, коми *пив*, кильм., малм. *pil*, марСЗ, марГ *pəl*, марЛ *päl* 'облако'.

4.1.2. Такие звукопереходы в конечном счете привели к перестройке фонологической системы большинства марийских говоров. В настоящее время редуцированные *ə* : *ä* четко противопоставлены по ряду в горном и северо-западном наречиях: *ə* относится к переднему ряду, *ä* — к заднему. В этих наречиях они приобрели фонологическую самостоятельность, заполнив пустые клетки в системе. В говорах лугового наречия *ə* совпал с *ä*, превратившись в гласный смешанного ряда. Одним из им-

пульсов нейтрализации *ə* в луговом наречии могло быть давление системы, выражающееся в стремлении к восстановлению нарушенного равновесия. В процессе исторического развития языка система приобрела весьма стройный вид и стала обладать достаточной гармоничностью. Так, в моркинско-сернурском говоре, который лег в основу марийского литературного языка, система вокализма содержит восемь гласных фонем. В красноуфимском и отчасти в других говорах восточного наречия редуцированный *ə* проявляется в основном под действием гармонии гласных в непервых слогах после *ä, ü, ö, i*, единично в первых — под действием регрессивной ассимиляции гласных — и функционирует как факультативный вариант фонемы *ə*, ср. КУ *kic̣kəme* 'запряженный, упряжной (о лошади)', *küβärəšte* 'на полу, на мосту', *šürä-šəm* 'крупы', *gənät* 'хотя', но *gän* 'если'.

5. В большинстве русских слов, проникших в красноуфимский говор, гласный *i* языка-источника сохраняется, например *βi-ke* < *вика*, *kir* < *гиря*, *čičiβi* < *чечевица*. В некоторых русских заимствованиях красноуфимского говора на месте предупредного, иногда ударного рус. лит. *e* функционирует *i*, ср. *piška-ř* < *пескарь*, *žilinga*, *želinga* 'дранка для кузова телеги' < рус. обл. *зелинка* 'планка, дранка' < коми *дзал* 'дранка, дрань' (Словарь русских говоров Среднего Урала I 154, 192), *šira* 'спичка' < *сера*, *jikta-r* < *гектар*, *šima* 'подсолнух' < *семечки* 'семянки подсолнуха', *li-žβε* < *лезвие*, *pilanga* — вид грибов < *белянка*, *əšlia* < *шляя*. Носители красноуфимского говора заимствовали русские слова из окающих старожильческих говоров Среднего Урала. Эти говоры характеризуются наличием *i* на месте старого *ѣ* под ударением перед мягкими согласными (*витер*, *здися*, *путь письни*), иногда и перед твердыми (*мисто*, *дифка*) (Словарь русских говоров Среднего Урала I 12), а также наблюдаются случаи фонетического перехода *e* > *i*.

5.1. Иноязычные заимствования в красноуфимском говоре проходят фонетическую адаптацию, как правило, по законам марийского языка в виде выпадения спиранта **h* в анлауте. Такие явления характерны для древнечувашских заимствований, ср. КУ, марЛ *ir* 'дикий' < чув. *xip* 'дикий'; КУ, марЛ *is* 'бердо' < чув. *xəç*, 'сабля, бердо'. Стечения согласных в русских заимствованиях изменяются путем развития протетического *i* перед группой согласных, например, *ižβε-r* < *зверь*, *ižärä* < *зря*.

6. Вышеизложенное приводит к следующему выводу: *i* красноуфимского говора был унаследован от финно-угорского праязыка. В настоящее время он употребляется в словах различного происхождения. В наиболее древнем пласте лексики *i* начального слога развился из разных финно-угорских гласных: в одной группе слов он восходит к **i*, в другой — к **e* или *e* < **ä*, а также к **ü* и т. д. В тюркских и русских заимствованиях в основном выступает соответствующий гласный языка-источника, а также наблюдаются случаи употребления КУ *i* на месте тат. *ы*, чув. *ä* и рус. лит. *e*. Наконец, здесь следует учесть роль фонетической адаптации заимствованных слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика), Москва.
Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.

- 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола.
- Исхаков Ф. Г. 1955, Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I. Фонетика, Москва, 60—114.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, 1974, Москва.
- Радлов В. В. 1884, О языке куманов, по поводу издания Куманского словаря. — Приложение к XLVIII т. Записок АН, № 4, 25.
- Словарь русских говоров Среднего Урала I—II, 1964—1971, Свердловск.
- Щербак А. М. 1970, Сравнительная фонетика тюркских языков, Ленинград.
- Bereczki, G. 1968, W. Steinitz és E. Itkonen finnugor vokalizmuselmélete és a cseremisiz nyelv. — NyK LXX, 23—34.
- Itkonen, E. 1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschere-missischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI, 149—345.
- Räsänen, M. 1923, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu L).
- 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki (LSFU XVII₁).
- Steinitz, W. 1944, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm (Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis. Series B. Linguistica 2).

ANATOLIJ KUKLIN (Tartu)

DER VOKAL *i* IN DER KRASNOUFIMSKER MUNDART DES MARISCHEN

Der *i*-Laut in der Krasnoufimsker Mundart des Marischen entspricht artikulatorisch und akustisch dem *i* der marischen Gemeinsprache. In der finnisch-ugrischen Schicht des Wortschatzes hat sich *i* in der ersten Silbe aus verschiedenen Vokalen entwickelt: 1) *i* entspricht dem fiugr. **i* (*ni* 'Bast'); 2) *i* < **e* (*ila-š* 'leben') oder *i* < *e* < **ä* (*βi-ŋe*, *βe-ŋe* < *wäŋə* 'Schwiegersohn'); 3) *i* < **ü* (*kičkä-š* 'anspannen'). In den Lehnwörtern ist *i* der Entlehnungsquelle erhalten (*βiča* 'Viehstall' — tschuw. *вите*; *iše-r* 'dumm' — tat. *ucəp*; *kir* 'Gewicht' — russ. *гуля*). Es gibt auch Fälle, wo *i* dem tat. *yi*, tschuw. *ä* (*kiar* 'Gurke' — tat. *кыяр*, tschuw. *хяяр*) und dem russ. *e*, mundartlich *i* (*piška-f* 'Stichling' — russ. *пескарь*) entspricht. In einigen russischen Lehnwörtern kommt ein prothetisches *i* vor (*ižβe-r* 'wildes Tier' — russ. *зверь*).